

Чу Хань в беспамятстве вернулся в общежитие. Под градом отцовских вопросов он не проронил ни слова, но его молчание сказало всё за него.

Перед глазами Чу Ханя всё стояло выражение лица отца, когда тот уходил — полное тревоги, боли и разочарования.

Дрожащей рукой Чу Хань открыл дверь. Чэнь Яня всё ещё не было, в комнате царила тишина, наполненная холодом и запустением.

Чу Хань не стал включать свет. Он побрел к кровати, споткнулся о стул, но медленно поднялся, словно не чувствуя боли, и, не снимая верхней одежды, зарылся в одеяло.

— Чэнь Янь... что же мне теперь делать...

На следующее утро Чэнь Янь, вернувшись в общежитие, увидел опрокинутый стул и Чу Ханя, который неподвижно лежал, с головой укрывшись одеялом.

Он нахмурился, сделал несколько шагов вперед, но замер. В конце концов, он просто поднял стул и взял в руки книгу, пытаясь читать.

Чэнь Янь просидел так довольно долго, но буквы никак не складывались в слова. Его охватило нестерпимое раздражение, и в итоге он с досадой отбросил книгу обратно на стол.

Раздраженно откинувшись на спинку стула, он бросил взгляд на Чу Ханя, который по-прежнему не подавал признаков жизни, и всерьез испугался, что тот может задохнуться под одеялом.

Он подошел и сдернул покрывало. Чу Хань сжался в комок, его щеки пылали, а дыхание было тяжелым.

Лицо Чэнь Яня мгновенно переменялось. Он приложил руку ко лбу Чу Ханя — жар был сильным. Если так пойдет и дальше, парень может просто сгореть. Он тут же подхватил Чу Ханя на руки и бросился в университетскую больницу.

— Температура под сорок! Почему только сейчас привели? Ты его парень? — врач с недоумением посмотрел на них, гадая, неужели у этой парочки всё так плохо, раз один дошел до такого состояния, а второй привел его лишь сейчас.

— Нет, сосед по комнате, — ответил Чэнь Янь, глядя в пол. Его голос звучал ровно, без эмоций.

Услышав такой ответ, врач закатил глаза, наблюдая, как Чэнь Янь старательно вытирает Чу Ханю лицо и поправляет одеяло.

Взяв ручку, врач вышел из палаты, решив не мозолить себе глаза.

Чэнь Янь сидел у кровати Чу Ханя и отрешенно смотрел на него.

Вернувшись, чтобы проверить капельницу, врач снова бросил взгляд на Чэнь Яня и недовольно поморщился. Проклятая парочка, еще и отпираются. И без того день не задался, а тут еще это.

— Ладно, ладно, от того, что ты будешь на него смотреть, ему лучше не станет. Иди купи какой-нибудь легкой еды, как проснется — нужно будет поесть.

— Хорошо. Врач, присмотрите, пожалуйста, за капельницей.

— Да-да, иди уже, воркуете тут, только мешаете.

Врач махнул рукой, прогоняя Чэнь Яня, и бросил взгляд на лежащего Чу Ханя: — А парень-то у тебя неплохой, умеешь выбирать. Так заботится, ну надо же...

Когда Чэнь Янь вернулся с едой, капельница еще шла. Лицо Чу Ханя уже не было таким пунцовым, он тихо и послушно лежал на кровати.

— Ч... Чэнь... — слышался прерывистый бред.

Чэнь Янь не расслышал и, наклонившись, подставил ухо ближе к губам Чу Ханя.

— Чэнь... Чэнь Янь, Чэнь Янь...

На этот раз он разобрал отчетливо: Чу Хань звал его по имени.

Чэнь Янь смотрел на человека, который даже в бреду шептал его имя, и не знал, как на это реагировать.

Он и сам не понимал, когда успел полюбить Чу Ханя. Опомнился лишь тогда, когда чувства уже захватили его целиком.

Они были двумя людьми, которые никогда не должны были встретиться: один — кристально чистый, другой — погрязший в пороках до мозга костей.

Чэнь Янь откинулся на спинку стула и уставился в потолок, погружившись в пустоту.

Как было бы хорошо, если бы этот мир был настоящим. И как было бы хорошо, если бы этот

человек был настоящим.

Поначалу Чэнь Янь думал, что небо наконец-то сжалилось над ним и дало шанс хоть раз вкусить сладости жизни.

Но самое смешное, что как раз в тот момент, когда он увяз во всем этом по уши, ему дали понять: всё это ложь. Лишь роман, выдумка, предсмертный бред.

...

— А-Янь, ты вернулся, — Чу Хань открыл глаза и увидел Чэнь Яня, сидящего рядом. Он попытался пошевелиться, но Чэнь Янь придержал его за руку.

— Не двигайся, у тебя капельница.

— Угу, — Чу Хань посмотрел на иглу в вене и замолчал, сидя на кровати.

В палате воцарилась тишина.

— Старший, поешь немного, — Чэнь Янь первым нарушил молчание, протягивая еду.

Чу Хань посмотрел на Чэнь Яня, потом на еду в его руках и вдруг улыбнулся. Это была улыбка, полная облегчения и какой-то новой решимости: — А-Янь, я заболел, так устал... Покормишь меня?

Рука Чэнь Яня, протягивающая еду, застыла в воздухе. Атмосфера снова стала напряженной.

Чу Хань продолжал смотреть на него и улыбаться — так красиво, что Чэнь Янь никогда прежде не видел его таким.

— Хорошо, — Чэнь Янь не знал, как отказать. Да и, глядя на эту улыбку, он попросту не мог этого сделать.

Он приподнял изголовье кровати, подложил Чу Ханю подушку и, взяв ложку, начал кормить его.

Врач, выглянувший из дежурки, тут же спрятался обратно, лишь с грохотом поставив на стол пузырек с лекарством.